МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О. В. ТВОРОГОВ

Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет»

Внимание исследователей древнерусской литературы неоднократно привлекали устойчивые словосочетания, которыми обильно насыщен язык наших летописей, воинских повестей, житий. Этим словосочетаниям в языке воинских повестей посвящена известная работа А. С. Орлова,[1] но попутно их наличие в древнерусских литературных памятниках и их стилистическую роль отмечали В. Мансикка, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, И. П. Еремин, Н. К. Гудзий и другие ученые.

В литературе нет еще устоявшегося термина для таких словосочетаний: их называли «стилистическими формулами» (Н. К. Гудзий, С. А. Богуславский), «постоянными формулами» (А. С. Орлов), «стилистическими трафаретами» (Д. С. Лихачев), «устойчивыми формулами» (И. П. Еремин), «стилистическими шаблонами» (Б. А. Ларин), «стереотипными формулами» (В. Мансикка). Мы называем такие словосочетания «традиционными формулами»; отказ от определения «стилистические» диктуется следующими соображениями: в языке летописи действительно подобные обороты речи носили характер стилистических приемов, требуемых нормами литературного этикета,[2] но несомненно также, что многие из них существовали ранее в живой речи, выступая в качестве терминологических формул. Их образность (так, в формуле «сѣча зла» «зла» — несомненно, эпитет) не нарушала терминологичности. Но эмоционально окрашенные термины вовсе не были в живой речи стилистическими приемами, какими они оказались в письменности.

Рассмотрим традиционные формулы в их отношении к фразеологизмам. Под традиционными формулами мы понимаем речевые штампы, т. е. широко распространенные устойчивые словосочетания. Устойчивость, стереотипность и являются их единственной общей чертой. Это надо подчеркнуть, так как среди традиционных формул оказываются как устойчивые словосочетания, лишенные метафоричности[3] (например, «створити миръ», «плачь великъ», «со страхомъ и трепетомъ» и т. д.), так и фразеологизмы

[1] А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). — ЧОИДР. М., 1902, кн. 4, стр. 1—50.

[2] Д. С. Лихачев. 1) Литературният етикет в староруската книжнина. — Език и литература. София, 1960, № 4, стр. 255—268; 2) Повесть временных лет. (Историко-литературный очерк). — В кн.: Повесть временных лет (далее: ПВЛ), т. II. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 42—43.

[3] Современное учение о фразеологизмах рассматривает подобные словосочетания в ряду «обычных», «переменных» словосочетаний. См., например: С. И. Ожегов. О структуре фразеологии. — Лексикографический сборник. М.—Л., 1957, № 2, стр. 45—46.

(«взяти на щиты», «взяти копьемъ», «дати руцѣ» и т. п.). Эти группы необходимо выделять при лексикологических исследованиях, в словарях,[4] но для целей нашей статьи их различия не имеют значения.

Рассмотрим традиционные формулы, встречающиеся в «Повести временных лет», поставив перед собой следующие вопросы: 1) Почему изображение военных эпизодов вызвало к жизни наибольшее количество традиционных формул? 2) Какие выводы о развитии стилистической системы древнерусского литературного языка можно сделать, сравнивая язык «Повести временных лет» с языком более поздних памятников? 3) Каковы источники традиционных формул? 4) Как отражать традиционные формулы в словаре? [5]

*

В своей работе о русских воинских повестях А. С. Орлов, в частности, указывал: «Для образования и признания известного шаблона воинских повестей громадную роль играли летописные своды, где почти каждый бой описан в одних и тех же выражениях».[6] Обратимся к ПВЛ и посмотрим, какие стилистические приемы использовали ее создатели при описании военных эпизодов. Мы встретимся с довольно устоявшимися воинскими формулами. В традиционных оборотах рассказывается о подготовке к походу: «Игорь же совкупивъ вои многы, варягы, Русь, и поляны, словѣни ... поиде на Греки въ лодьях и на конихъ» (стр. 33—34);[7] «И приведоша варягы, вдаша имъ скотъ, и совокупи Ярославъ воя многы» (стр. 97); «Ярославъ совокупи воя многы, и приде Кыеву» (стр. 100) и т. д. Летописец упоминает о численности войск, также прибегая к традиционным формулам: болгарский царь Симеон приходит на Царьград «въ силѣ въ велицѣ» (стр. 32), печенеги приходят «в силѣ велицѣ» к стенам Киева (стр. 47), «в силѣ тяжьцѣ» приходит на Ярослава Святополк (стр. 97).

В стереотипных оборотах описываются в ПВЛ и сражения. Обратимся к примерам, выделяя в цитатах сопоставимые элементы.

941:[8] «Съвѣщаша Русь, изидоша, въружившеся, на греки, и брани межю ими бывши зьли одва одолѣша грьци» (стр. 33). 965: «...и съступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ» (стр. 47). 971: «...и излѣзоша болгаре на сѣчю противу Святославу, бысть сѣча велика и одоляху болъгаре» (стр. 50). 971: «И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святослав, и бѣжаша грьци» (стр. 50). 1016: «...и поидоша противу собѣ, и сступишася на мѣстѣ. Бысть сѣча зла ... и одолѣ Ярославъ. Святополкъ же бѣжа» (стр. 96). 1019: «...и сступишася обои, бысть сѣча зла ... К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа» (стр. 98). 1024: «И поиде Мьстиславъ, и Ярославъ противу ему, и сступися чело сѣверъ съ варягы ... И бысть сѣча силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза

[4] Так, в проекте Древнерусского словаря «фразеологические сращения» отделяются от «стилистических шаблонов» как явления разного порядка. См.: Б. А. Ларин. Проект Древнерусского словаря. (Принципы, инструкции, источники). М.—Л., 1936, стр. 58.

[5] Статья построена на материале составляемого нами словаря к ПВЛ.

[6] А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.), стр. 1.

[7] Все ссылки даются по изданию: ПВЛ, 1

[8] Год летописной записи.

велика и сѣча силна и страшна» (стр. 100). 1036: «...и сступишася на мѣсте ... И бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ. И побъгоша печенѣзи разно» (стр. 102). 1067: «И совокупишася обои на Немезѣ... поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла ... и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа» (стр. 112). Аналогичные описания мы найдем и в других местах ПВЛ.

Характерно, что слова «брань» и «сѣча» в этих описаниях всегда (исключение на стр. 47) выступают с эпитетами. Наиболее распространенные традиционные формулы: «сѣча зла» (в ПВЛ 5 раз) и «брань крѣпка» (5 раз). Эпитеты отсутствуют лишь тогда, когда их постановка невозможна; например: «...крестъ бо князем в бранех пособить» (стр. 115); «...бѣ бо въ тъ день Преображенье господне, егда си бысть сѣча» (стр. 85). В первом случае речь идет не о конкретной битве, но о боях вообще, во втором — не описание «сечи», но лишь указание на известное уже событие для уточнения его даты. Отметим также, что эпитет «зла» традиционно связывается со словом «сѣча» («брань зла» — всего один случай), в то время как слово «брань» выступает с эпитетами «крепка» или «люта», не встреченными нами при слове «сѣча». Формула «брань крѣпка» поддерживается частым употреблением традиционной формулы «боротися крѣпко». Например, 946: «...а деревляне затворишася въ градѣ, и боряхуся крѣпко изъ града» (стр. 42). Аналогично на стр. 75, 145.

Из приведенного материала видно, что воинский быт древней Руси выработал весьма устойчивую и развитую систему традиционных формул, нашедшую свое отражение на всем протяжении ПВЛ. Как же обстояло дело с применением традиционных формул в описаниях других сторон древнерусского быта?

Обратимся к примерам. Портрет князя в ПВЛ — в большинстве случаев портрет «идеальный», обобщенный, лишенный каких бы то ни было незначительных деталей. Но каждый раз этот портрет создается разными речевыми средствами: Мстислав «дебелъ тѣломь, черменъ лицем, великыми очима» (стр. 101), Ростислав «взрастомь ... лѣпъ и красенъ лицемь» (стр. 111), Изяслав «взором красенъ и тѣломъ велик» (стр. 133—134). Правда, и здесь заметно стремление к традиционности: во всех портретных зарисовках подчеркивается красота лица князя, его статная фигура. Не сразу найдет свою традиционную форму и описание благочестивости князя: Ростислав «милостивъ убогымъ» (стр. 111), Всеволод «издѣтьска боголюбивъ ... набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутером, излиха же любяше черноризци, подаяше требованье имъ» (стр. 142), Ярослав «любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ» (стр. 102).

В традиционных формулах изображаются различные моменты жизни князя. О приходе на великокняжеский престол летописец сообщает: «...Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни» (стр. 96); «Сѣдѣ на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ» (о Мономахе; стр. 197). Встреча горожанами князя описывается в летописи так: «Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне» (стр. 116); «Изидоша противу ему кияне с поклоном, и прияша и с радостью, сѣде (Святополк) на столѣ отца своего и стрыя своего» (стр. 143).

Мы встретим традиционные формулы и в описаниях похорон князя, провожаемого «с плачем великим», и в описаниях торжественных приемов — «чести великой», и даже в обращениях летописца к читателю, когда он, закончив обширное отступление от основной линии повествования, предупреждает: «На предлежащее возвратимся». Однако только в описаниях

военного быта мы обнаружим богатую и последовательно проводимую стилистическую систему.

В чем причина этого явления? Можно предположить, что многие словосочетания, которые мы рассматриваем как «воинские формулы», имели широкое распространение в живой речи: они были терминологическими формулами в обращениях князей к дружине, в речах послов, в донесениях воевод или начальников сторожевых отрядов. Не случайно, видимо, язык содержащихся в летописи диалогов и монологов часто насыщен традиционными формулами. Мы далеки от мысли, что летописец имел возможность точно воспроизвести слова данного князя в данный момент, но несомненно, что в уста персонажей он вкладывал употребительные в таких случаях обороты речи. (Нас не должно смущать, что иногда князья произносят и пространные молитвы, определенно сочиненные летописцем: в обоих случаях мы встречаемся с проявлением литературного этикета: обращаясь к дружине или союзникам по брани, князь говорит то, что приличествует ему как воину, — здесь летописец мог опираться на традиции реальных княжеских или посольских речей; обращаясь к богу, князь говорит то, что приличествует ему как благоверному христианину, — здесь летописец вкладывает в его уста слова, сочиненные им для прославления христианских добродетелей князя). Характерно, что формула «сложить голову» (погибнуть в бою) встречается в ПВЛ только в составе прямой речи. В прямой речи употреблены и такие формулы, как «стати крѣпко», «ввергнути ножь», «створити миръ» и др. Вот один из интереснейших примеров.

В рассказе о расправе Ольги с жителями Искоростеня мы читаем: «И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати а̀, яко взя градъ и пожьже и; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ» (ПВЛ, стр. 43). Сообщение летописца о судьбе жителей Искоростеня едва ли привлечет к себе особое внимание: такая расправа с побежденными совершенно естественна; не заметно здесь и следов литературного приема. Но обратимся к памятнику, созданному приблизительно в те же годы, что и летописный рассказ, — «Поучению» Владимира Мономаха. (Напомним, что рассказ о четвертой мести Ольги — позднейшая вставка создателя 1-й редакции ПВЛ Нестора и может быть отнесена к 1112—1113 гг.;[9] «Поучение» Мономаха предположительно датируется 1117 г.).[10] В этом произведении, несомненно более близком по языку к живой речи (особенно в автобиографической части), мы несколько раз встретим сходные выражения при описании судьбы побежденного войска: часть воинов «избита», часть «изымана», взята в плен. Например: «...на Деснѣ изьимахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша» (стр. 159);[11] «...а наши онѣхъ (половцев) боле избиша и изьимаша (стр. 160); «...идохом на вои ихъ (половцев) за Римовъ, и богъ ны поможе — избиша и, а другия поимаша» (стр. 161). В речь Мономаха эта традиционная формула попала, вероятно, из живой военной терминологии. Она не является особенностью речи автора «Поучения»: в Ипатьевской летописи, начиная с записей 1149 г., мы встретим ее необыкновенно часто (на стр. 267, 279, 303, 306, 310, 327, 348, 355, 359, 360 и т. д.).[12] Летописец 30 годами позднее,

---

[9] См.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916, стр. XLI, 66—68; Д. С. Лихачев. Повесть временных лет. (Историко-литературный очерк), стр. 102, 119.

[10] ПВЛ, т. II, стр. 425—432.

[11] Цитирую по тексту, приведенному в ПВЛ, т. I, стр. 153—167.

[12] Летопись по Ипатскому списку, изд. Археографическою комиссиею. СПб., 1871.

чем Мономах, отразит это живое явление — терминологическую формулу из отчета воевод, из рассказов князей-победителей.

Вот несколько примеров употребления ее в Ипатьевской летописи.

1151: «Дюрди же не имѣяже ни откуль же помочи, а дружина его бяшеть оно избита, оно изоимана, принужденъ же неволею Дюргий, и цѣлова крестъ к нимъ (Изяславу и Вячеславу)» (стр. 306). 1160: «...доѣхавше ихъ, начаша я̆ (половцев) бити, и много ихъ избиша, а другыя рукама изоимаша, и люди отполониша своя, иже бяху половци поимали» (стр. 348). 1172: «...из Вышегорода же выѣздяче погании и дикии с вои, много зла творяху, овы избивяху, а ины руками имаху» (стр. 375).

Итак, обилие и употребительность традиционных формул, отражающих различные стороны военного быта, по нашему мнению, объяснимы широкой распространенностью их в живой речевой практике. Немного уступают им по частоте употребления традиционные формулы, отражающие юридические и дипломатические отношения. Например, формула «миръ створити» встречается в ПВЛ 35 раз, в том числе в языке персонажей. Очень устойчивы формулы, применявшиеся в речах послов: «и посла, глаголя...», «посла вѣсть, яко...» и др. Менее широко были распространены в ПВЛ формулы книжного происхождения (из культовых текстов, переводных памятников). Упрочение стилистических приемов, опирающихся на книжные традиции, придет позднее, по мере расширения круга создаваемых и читаемых письменных источников.

*

А. С. Орлов в своей работе о воинских повестях рассматривает широкий круг памятников, созданных на протяжении нескольких веков. При всей поучительности такого обзора, свидетельствующего об устойчивости традиционных формул, мы лишены возможности наблюдать, ка́к протекало усвоение этого стилистического приема древнерусской литературой. Поэтому не меньший интерес представляет сравнение языка ПВЛ с языком памятника, тождественного по содержанию и непосредственно примыкающего к ней по времени создания, — с Киевской летописью.[13] Это сравнение убеждает нас в постоянной изменчивости стилистического облика летописи: одни традиционные формулы перестают употребляться, другие, напротив, приобретают широкое распространение. Мы уже отмечали частое использование формулы «избити — изымати»; приведем еще несколько примеров. Традиционная формула «битися крѣпко» в ПВЛ употреблена 2 раза, в Киевской летописи встречается более 18 раз; формула «благовѣрный князь» в ПВЛ употреблена 4 раза, в Киевской летописи — 12 раз; широко распространен в Киевской летописи тавтологический оборот «многое множество», который встретился нам более 15 раз, тогда как в ПВЛ он употреблен лишь 2 раза, причем в статье 1111 г., читаемой в Ипатьевской летописи.[14] Наконец, характерным для Киевской летописи является частое использование формул «радость великая», «любовь великая», «честь великая». Например: «...и приде къ строеви своему Дюргеви в Киевъ, и тако обуястася с великою любовью и с великою честью, и тако пребыша у весельи» (стр. 330). С другой стороны, сложившаяся в ПВЛ схема изображения битвы (см. выше, стр. 278) в Киевской летописи оказывается разрушенной. Так, значительно реже употребляются термины «брань» и «сѣча», не применяется обычная для ПВЛ кон-

[13] Там же, стр. 195—487.

[14] В ПВЛ имеется так же формула «множьство много», употребленная 2 раза (стр. 87, 114).

цовка описания битвы: «одолел» победитель, побежденный «бежал». Вот примеры описаний битв в Киевской летописи.

1149: «Яко солнцю въсходящю, ступишася, и бысть сѣча зла межи ими, и первое побѣгоша поршане, и потомъ Изяславъ Давыдовичь, и по сихъ кияне» (стр. 267). 1170: «И взяша вежѣ ихъ (половцев) на Углѣ рѣцѣ ... а самѣхъ постигоша в Чернего лѣса, и ту притиснувше к лѣсу избиша ѣ̀, а ины руками изоимаша» (стр. 369).

Наблюдения над языком летописей XI—XII вв. убеждают, что древнерусские авторы не являлись рабами литературного этикета, не злоупотребляли применением традиционных формул: стремление к документальности, историзму не допускало широкого использования готовых схем, изображения различных событий одинаковыми композиционными и стилистическими приемами. Однако это не исключало периодического применения отдельных традиционных формул на протяжении нескольких веков. Убедительные примеры этого представлены в упоминавшейся выше работе А. С. Орлова о форме воинских повестей. Приведем несколько своих наблюдений.

Традиционная формула «сѣча зла» встретилась нам в ПВЛ, в ее части, восходящей к Начальному своду, 5 раз; в Киевской летописи нами обнаружено 3 случая употребления этой формулы; но это не означало, что она постепенно выходит из обихода: мы встретим ее и в Повести о разорении Батыем Рязани,[15] и в Житии Александра Невского,[16] в Повести о побоище на Дону.[17] Традиционная формула «битися крѣпко» встречается в Повести о взятии Царьграда Нестора-Искандера; [18] там же встретим мы формулу «не успѣти ничтоже»,[19] широко употребляемую еще в Киевской летописи.

*

Вопрос об источниках ПВЛ давно уже стал предметом научного рассмотрения. Установлено большинство письменных памятников, цитируемых летописью. Но не меньший интерес представляет изучение традиционных формул, имеющих книжное происхождение. Несколько примеров.

Тавтологический оборот «страх и трепет» нередко употреблялся в Библии (Бытие, IX, 2; Исход, XV, 16; Второзаконие, II, 25 и др.). Мы встретим его и в ПВЛ. В статье 1103 г. летописец сообщает: «И богъ великый вложи ужасть велику в половцѣ, и страх нападе на ня и трепеть от лица русскых вой, и дрѣмаху сами, и конем ихъ не бѣ спѣха в ногах» (стр. 184). Это не единичное, случайное употребление данной традиционной формулы, мы обнаружим ее в ряде других оригинальных русских текстов: «И пришедъши (убийцы князя Андрея Боголюбского) нощи ... и идущимъ имъ к ложници его, и прия ѣ̀ страхъ и трепетъ и бѣжаша сь сѣний, шедше в медушю и пиша вино»; [20] «Послаша же рязанстии князи къ великому князю Юрью Владимирскому, да поидеть съ ними противу безбожных агарянъ. Онъ же самъ не поиде, и силы не посла, занеже страхъ нападе на всѣхъ и трепетъ, являа божий гневъ»; [21] «...и на-

---

[15] Повесть о разорении Батыем Рязани в 1237 г. — В кн.: Воинские повести древней Руси. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 11.

[16] В. Мансикка. Житие Александра Невского. — ПДПИ, т. CLXXX. М., 1913, стр. 56, 62.

[17] См.: Повести о Куликовской битве. Изд. АН СССР, М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 35.

[18] Арх. Леонид. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV века. — ПДП, вып. LXIV. СПб., 1886, стр. 20, 28.

[19] Там же, стр. 11.

[20] Летопись по Ипатскому списку, стр. 398.

[21] В. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 56.

паде на нихъ (жителей Царьграда) страхъ и трепетъ»;[22] ср. также в Житии Феодосия,[23] в Новгородской пятой летописи.[24]

Традиционная формула, «не успѣти ничтоже», встретившаяся в ПВЛ в типично летописном контексте: «Томь же лѣтѣ ходи Вячеславъ на Дунай с Фомой Ратиборичемъ и, пришедъ къ Дьрьсту, и не въспѣвше ничто же, воротишася» (стр. 201), — также восходит, вероятно, к Библии (ср. Псалтирь, LXXXVIII, 23).

К Библии восходят и традиционные формулы «возопити великымъ гласомъ», «съ радостью великою» и ряд других.

Иногда образное отражение действительности, лаконично выраженное традиционной формулой, могло под пером летописца превратиться в развернутое описание. Так, в ПВЛ мы читаем о Святополке, бегущем от преследующего его Ярослава: «И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти, и несяхуть и на носилѣхъ ... Онъ же глаголаше: „Побѣгнѣте со мною, женуть по насъ“. Отроци же его всылаху противу: „Еда кто женеть по насъ?“. И не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимъ. Он же в немощи лежа, въсхопивъся глаголаше: „Осе женуть, побѣгнѣте“. Не можаше терпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ» (стр. 98). Можно предположить, что этот эпизод — бегство князя-преступника, убийцы Бориса и Глеба, одержимого манией преследования — основан не только на историческом факте, — в Библии не раз повествуется о паническом бегстве грешников, причем нередко в сходных оборотах: «.. и побѣгнете никому же гонящу васъ» (Левит, XXVI, 17); «падут никим же гонимі» (там же, XXXVI). О традиционных формулах, использовавшихся при описаниях бегства «гонимых божьим гневом» вражеских войск, писал и А. С. Орлов.[25]

*

В заключение покажем один из возможных путей отражения традиционных формул в словаре на примере составляемого нами словаря «Повести временных лет».[26] Так, словарная статья на слово «сѣча» имеет следующий вид:

СѢЧА (12)[27]
— битва, сражение.

971: И излѣзоша болгаре на **сѣчю** противу Святославу, и бысть **сѣча** велика, и одалаху (*А*: одоляху)[28] болъгаре. *50. 1019*: Бѣ же пятокъ тогда, въсходящю солнцю, и сступишася обои, бысть **сѣча** зла, яка же не была в Руси, и за рукы емлюче сѣцяхуся, и сступашася трижды, яко по удольямь крови тещи. *98. 1024:* И бысть **сѣча** силна, яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье, и бѣ гроза велика и **сѣча** силна и страшна. *100.* — 50, 85, 96, 102, 112, 133 (2).[29]

---

[22] Арх. Леонид. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV века, стр. 25.
[23] Житие преподобного отца нашего Феодосия. — ЧОИДР. М., 1879, кн. 1, л. 15.
[24] Новгородская пятая летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1, изд. 2-е. Пгр., 1917, стр. 286.
[25] А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.), стр. 26.
[26] Подробному описанию словаря посвящена наша статья «О типе словаря к литературному памятнику», опубликованная в «Вестнике ЛГУ» (№ 14, Серия истории, языка и литературы, вып. 3. Л., 1961).
[27] Указание на количество употреблений слова в ПВЛ.
[28] Так приводятся варианты из других списков (*А* — Московско-академический список).
[29] На этих страницах слово встретилось в том же значении.

сѣча велика: 50 (2).
сѣча зла: 96, 98, 102, 112, 133. (Ср. «брань зла»).
сѣча силна: 100 (2).

Итак, традиционные формулы, содержащие слово, рассматриваемое в статье, особо выделяются. При этом указывается их местонахождение в тексте. Кроме того, в пределах словарной статьи даются ссылки на сходные формулы, употребляемые в ПВЛ («сѣча зла» — «брань зла»). К статье придается комментарий, содержащий указания на наличие данных традиционных формул в других древнерусских памятниках, на возможные источники этих формул:

Сѣча велика (велия): Ип — 488; Пов. Цр. — 9, 20, 21, 28. Сѣча зла: ЛЛ — 340, 360, 398 и т. д.[30]

Изучение традиционных формул даст возможность проникнуть в мало исследованный еще мир эстетических вкусов и стилистических тенденций древнерусских книжников, поможет установить пути развития древнерусского литературного языка.

---

[30] Расшифровка сокращений: Ип — Летопись по Ипатьевскому списку, Пов Цр. — Повесть о взятии Царяграда турками, ЛЛ — Лаврентьевская летопись (ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2-е, Л., 1927).